

Гёран Терборн

Неопределенные идеалы и неясные результаты: демократия, гражданское общество, права человека и социальная справедливость*

Введение

В работе доказываются следующие положения. Первое: идеалу демократии присуща неопределенность, что связано со сложными вопросами универсального, не специфичного для определенного пространства, характера. Второе: понятие «гражданское общество» мало подходит для решения аналитических и практических задач, а также для использования в качестве инструмента, с помощью которого можно разобраться во многих сложных проблемах, касающихся отношений государство – общество, демократия – общество. Третье: ключом к пониманию того, как соотносятся демократические идеалы и демократическая реальность, является вопрос о правах человека и о требованиях социальной справедливости.

Первый аргумент вытекает из буквального смысла и идеала демократии как «власти народа» [“rule by the people”] и следующих отсюда вопросов о «народе» [“people”] и «власти» [“rule”]. Кто представляет народ, где лежат границы между народом и не-народом или другим народом? Может ли быть более одного народа при власти народа? Откуда происходит народ? Как формируются субъекты самоуправления? – Последнее предполагает также, что семья с точки зрения демократии не может рассматриваться как заданная ценность.

Откуда мы знаем или как определяем то, над чем должна осуществляться власть? И насколько широко вообще она может быть распространена?

На эти и связанные с ними вопросы исторический опыт дает разные ответы явным или неявным образом. Теория демократии не дала прямых ответов. Народные основания власти могут принимать различные, подчас парадоксальные, формы. Недавно возникший феномен западных обществ – постдемократический либерализм ставит новые вопросы, касающиеся современных либеральных демократий.

Как нормативный аргумент против авторитарных режимов понятие гражданского общества доказало свою полезность, с его помощью можно прояснить некоторые принципы функционирования современных демократий. Однако для решения проблем соотношения демократических идеалов и реально существующих демократий понятия гражданского общества недостаточно.

Базовая структура современного дискурса [discourse] о гражданском обществе имеет три фундаментальные характеристики. Во-первых, гражданское общество как нормативное понятие, понятие блага, более конкретно – понятие для нормативного раскрытия социального пространства. Во-вторых, как понятие, разделяющее государство и общество, а не концентрирующееся на взаимосвязи между ними. В-третьих, гражданское общество как политическое понятие, представляющее общество с точки зрения политики, государства и политической власти.

Вследствие процедурной нормативности и несоциального, неэкономического характера концепции социальных отношений между людьми современный дискурс о гражданском обществе не освещает различий в ресурсах и культурах граждан, а также конфликты их интересов.

* Göran Therborn. Ambiguous Ideals and Problematic Outcomes: Democracy, Civil Society, Human Rights, and Social Justice

© Центр фундаментальной социологии, 2003

© Горбунова Екатерина, 2003

Вместо этого предлагается, с точки зрения соотношения демократических идеалов и демократических реалий, посмотреть на социальное производство граждан [social production of citizens], на публичную сферу как поле конкуренции и конфликта, а также на фактическое взаимодействие между государствами, НКО и СМИ в формировании надгосударственного нормативного порядка.

В результате, итог либеральных демократий XX века в сфере прав человека и социальной справедливости оказывается мрачным. Демократии продемонстрировали свою способность к массовым убийствам безоружных людей, к расистской и сексистской дискриминации, воспроизводству в огромных масштабах бедности и нищеты. Это следствия свойственным либеральным демократиям внутренней и глобальной маргинализации и демонизации врагов. Никакого поворота к лучшему не видно, и доклады ПРООН (Программа развития ООН), ЮНИСЕФ и Мирового Банка о социальном состоянии мира в XX веке завершаются всегда на пессимистической ноте.

В такой ситуации вопросы о правах человека и о власти народа могут сформировать основу для критического дискурса, но не гражданское общество. Возможной движущей силой для изменения ситуации могут послужить требования и движения за социальную справедливость всех тех, кто сейчас страдает от дефицита человеческих прав и демократии.

Пропущенные вопросы

Папская академия социальных наук справедливо поставила в повестку дня проблематику соотношения идеалов демократии и демократических реалий. Эта тема была затронута в ходе двух предыдущих обсуждений Академией в основном как одна из специфических проблем современных демократий в целом и третьего мира в частности. В данной работе будут доказаны следующие утверждения. Первое: идеалу демократии присуща неопределенность, что связано со сложными вопросами универсального, а не специфичного только для определенных регионов, характера. Второе: понятие «гражданское общество» мало подходит для решения аналитических и практических задач, а также для использования в качестве инструмента, с помощью которого можно разобраться во многих сложных проблемах, касающихся отношений государство – общество, демократия – общество. Третье: ключом к пониманию того, как соотносятся демократические идеалы и демократическая реальность, является вопрос о правах человека и о требованиях социальной справедливости; вопрос о последней до настоящего времени Академией фактически не обсуждался.

Анализ понятия «демократия»

Традиционно демократию рассматривают как an institution tout court¹ в нормативном, описательном или объяснительном смыслах. Здесь мы видим «модели демократии», исследования электоральных систем и систем управления, а также попытки объяснить усиление или уменьшение роли демократических институтов. Это, безусловно, важные темы, хотя к ним порой начинают относиться как к волшебной палочке, способной объяснить все. В данной работе я хочу сделать нечто другое: рассмотреть демократию как комплекс изменяющихся институтов, находящихся в исторически непостоянной и географически неоднородной социальной ситуации, а также в ситуации не равновозможных альтернатив (см. далее, напр., Therborn 1992). Таким образом, в качестве отправной точки следует принять не историческую или политическую мысль и не современную конституционную (соответствующую конституции) интерпретацию, но открытые вопросы, неотъемлемо присущие логике демократии, любой логике «власти народа».

¹ Просто как институт (*Прим. ред.*).

Начнем с буквального смысла демократии и идеала демократии, а затем и вытекающих отсюда двух групп вопросов. «Демократия» означает «власть народа», что приводит к двум фундаментальным вопросам: о «народе» и о «власти». Каждый из них мы постараемся рассмотреть в историческом ракурсе и в контексте современных конфликтов, дебатов и альтернатив. Исторический взгляд важен только для того, чтобы на конкретных примерах показать, какую роль в идеалах демократии играет неопределенность.

Вопросы, относящиеся к понятию народа

Кто является народом?

В классической и наиболее авторитетной теории демократии, сформулированной в основном в Европе, этот вопрос обычно игнорируется как тривиальный или самоочевидный. «Народ» отличают от монарха и от аристократии и олигархии; кроме того признается, что народ – это свободные, независимые взрослые, постоянные жители государства мужского пола. Рабы, крепостные, слуги, поденщики, арендаторы, бродяги, дети, женщины и иностранцы не являются частью «народа», к какой бы группе они ни относились. Торговцы-«челноки», коробейники, мелкие свободные крестьяне или сезонные сельхозработники, а также ремесленники, занимающиеся мелкой торговлей или продажей запрещенных товаров, могли быть или не быть «народом» в зависимости от обстоятельств.

Потребовалось много времени и две мировые войны, прежде чем был достигнут консенсус относительно того, кто является народом в демократическом государстве. Швейцарию часто называют пионером демократии, хотя женщины там получили право голоса (избирательное право) в 1971 году, а приблизительно один постоянный житель из семи исключается из народа как иностранец. Вопрос о том, кто является народом, стал особенно важным в эпоху ранних европейских завоеваний и поселений в Америке. Являются ли коренные жители народом? Во многих странах доминирующим был ответ «нет» (в Австралии так считалось вплоть до 1960-х годов). Рабы, очевидно, не являются народом, но как насчет освобожденных рабов? В большинстве штатов США их относили к народу до конца 1960-х годов. Недавние иммигранты представляют еще одну сомнительную категорию; в Аргентине все они исключались из народа еще в первые десятилетия этого века. Только позже и постепенно, в 1960-х и 1970-х годах, в Западной и Южной Африке такое отношение стало расцениваться не как признак либеральной демократии, а как расовое подавление (угнетение) одних людей другими.

Белым женщинам, иммигрировавшим уже давно, было легче. Новая Зеландия, малозаселенные районы Австралии и западная часть США – мировые пионеры в признании за женщинами политического гражданства с конца XIX века, что в некоторых странах Южной Европы было достигнуто только после Второй мировой войны.

Недавние волны массовой миграции снова обострили вопрос о том, кто является народом страны. Теории демократии обычно избегали вопроса о границах, отделяющих один народ от другого. Должны ли они приниматься как данность или как нечто естественное – как «естественные границы» – или, если быть более точным, так, как они сложились исторически? Однако, по ряду причин, «двери» либо наций открыты, либо просто отсутствуют. Новая политика национальной идентичности, от Канады и Кавказа до Индонезии и Папуа Новой Гвинеи, ставит вопрос о заданности границ. Возникают новые требования на гражданство. А как только вопросы подняты, сразу правильно ответить на них сложно.

Может ли при демократии быть более одного народа?

«Из многих одно» [“E pluribus unum”], из многих – один (народ) – официальная геральдическая формула США. Она точно схватывает суть республиканской и

демократической мысли. Народ всегда один. Мультинациональные* государства – наследие империй, существовавших до эпохи демократии. Оттоманская Империя и Империя Моголов, например, давали убежище официально признанным, известным в религиозном плане зрения сообществам, *millet*.² Династические империи Европы, такие как империи Романовых или Габсбургов, признавали существование ряда этнических и религиозных сообществ, а также территорий со своими собственными законами и легитимными обычаями (традициями). Последний император династии Габсбургов обычно обращался к своим подданным «мои народы».

Не принимая во внимание собственный опыт таких многонациональных империй, в рамках марксистской теории рабочего движения сложились первые основные концепции демократической многонациональности в работах Отто Бауэра и В.И. Ленина. Версальский договор после Первой мировой войны установил принцип национального самоопределения общего (собирательного) права меньшинства.

Ни один из этих проектов не удался. Гарантии, предоставляемые меньшинствам Лигой Наций, никогда не действовали в полном объеме, и во второй половине 1930-х годов они были замещены идеей – выдвинутой нацистской Германией, но отнюдь не ею одной, – этнической гомогенизации с помощью перемещения населения. Австрийская социал-демократия не смогла предотвратить националистическое разделение имперского рабочего движения, как и (в гораздо меньшей степени) крушение самой Австро-Венгерской империи. Некоторые успехи были достигнуты вскоре после образования Советского Союза, который был создан как многонациональное государство. В 1920-х годах, перед сталинской русификацией, в СССР пропагандировались национальные культуры и языки. Но кроме признания независимости Финляндии антикоммунистический национализм и сепаратистское националистическое самоопределение нигде не были приняты добровольно. Когда в 1991 г. Советский Союз распался, основные разногласия касались национального вопроса, и посткоммунистические государства возникали по границам национальных республик Союза.

Однако с ростом числа национальных государств и масштабными этническими «чистками» вопрос о власти нескольких народов, о многонациональной демократии не исчез с повестки дня. Наоборот, практически повсеместно звучали требования к признанию коллективной идентичности, коллективной автономности. Они исходили и от местных жителей, и от диаспор (этнических общностей), и от представителей региональных культур.

Культурные права порождают наиболее долговечные споры о правах народа. Свобода религии была фактически запрещена в Западной Европе, когда толерантные мусульманские правители были вытеснены с Пиренейского полуострова. Религиозные войны Реформации и Контрреформации привели к тому, что сейчас назвали бы принципом тоталитаризма, когда правитель определяет религию народа. Отказ Европы от свободы в выборе религии привел к колонизации Новой Англии. Прорыв в отношении религиозной свободы в Западной Европе, которую [еще] с осторожностью допускали в крупнейших городах Голландской Республики, и которую в эпоху Просвещения [уже] требовала элита народа, произошел только в XIX в.

Требования прав, касающихся групповой принадлежности и идентичности, языка, образования, коллективных традиций или стиля жизни, появились позже, и во многих частях мира за эти права до сих пор ведется борьба.

Недостаток других решений, кроме диктаторской власти, побуждаемых эгоизмом компромиссов или притеснений, снова выдвигает на первый план пробелы в теории демократии и абсолютную произвольность границ между людьми. Нынешнее положение курдов в Турции и албанцев в Косово, расстановка международных риторических, экономических и военных сил за и против них, соответственно, ярко иллюстрируют эту произвольность.

* В тексте – терминологически более точное, но не имеющее аналогов в современном русском выражение "multi-people", т.е. "многонародные" государства (Прим. ред.).

² Millet (фр.) – религиозное сообщество.

Откуда берется народ?

Если в теории европейской политической науки, равно как и в теориях других стран, которым модернизация была навязана извне, но которые оказались не побежденными европейской и североамериканской властью, народ можно было точно определить, то в странах Нового Света и в бывших британских колониях для политического признания людей они должны были иметь определенное происхождение. В странах Нового Света речь идет в первую очередь о мигрантах. Рабы и иммигранты, работающие по контракту, а также до самого последнего времени местные жители (аборигены, туземцы, негры) никогда не были частью народа. Но статус бывшего раба, того, у кого рабом был один из родителей, или местного жителя был нечетким и противоречивым. Даже если они и считались частью народа, <для правительства> они были, по меньшей мере, нежелательны, и их было лучше заменить или разорить с помощью «нужных» иммигрантов – белых, предпочтительно из северной Европы. Такие взгляды были типичны для модернистских [modernist] политиков и интеллектуалов с середины XIX века до Великой депрессии XX века, например, в Аргентине, Бразилии и на Кубе.

Правители колоний, где поселенцы-колонисты встречались редко, предпочитали людей из «цивилизованных» стран, то есть с высшим образованием. С помощью последнего некоторые могли стать “*évolués*”³, достаточно развитыми, чтобы быть частью народа. С другой стороны, для националистов – противников колонизации понятия народа, нации пришли от колониальной власти. В принципе, любое внутриколониальное разделение, даже случайное, воспринималось как определяющее (хотя не называющее) народ нации и его священную территорию: индеец (житель Индии), житель Кот-д’Ивуара, житель Суринама, житель Эритреи или житель Восточного Тимора. Колониальное разделение на элиты и массы стремилось воспроизвести себя после независимости (обычно, но не всегда, как, например, в случае иерархии по цвету кожи на Гаити), без расистских форм бывшего деления.

В последнее время в связи с новыми волнами миграции вопрос о происхождении людей <принадлежащих к народу> стал снова актуальным. Являются ли некоторые постоянно проживающие <на территории страны> иммигранты в большей степени народом, чем остальные? То есть, нужно одним иммигрантам более короткий период и более мягкие условия для включения в народ, а другим – более длительный период и жесткие условия? Если так, то почему? Используемые критерии различаются в зависимости от таких факторов, как соседство – Скандинавские страны, поколение – Германия, отношения внутри пост-имперских стран (Великобритания, Франция и другие бывшие колониальные державы).

Однако есть еще более общий и вечный вопрос, который в силу разных причин становится более или менее актуальным. Откуда народ получает способность к самоопределению? При каких условиях народ может лучше создать себя, определить себя, свою ситуацию и свои интересы? Исходя из политического смысла демократии, ни один народ не «готов» к этому здесь и сейчас. По сути дела, все народы происходят от детей, которые развиваются различными путями. Дискредитация колонизаторских, расистских и других элитистских [elitist] концепций происхождения народа не решила проблему формирования субъектов самоуправления. Это, в свою очередь, должно привести к фундаментальному вопросу о социальных условиях, при которых народ создается или вырастает в «народ» в значении, принятом в политической теории. У нас будут причины, чтобы вернуться к этому вопросу ниже.

В современной ситуации крайне важно обратить внимание на взаимозависимость демократии и семьи. Ни один серьезный демократ не может принимать «семью» как заданную ценность. Некоторые типы семьи поддерживают демократию, другие разрушают.

³ “Evolué” (фр.) – развитый, современный.

Есть все основания полагать, что авторитарные семьи порождают авторитарные государства, а коллективистские семьи, основанные на коллективистской системе – семейственность и фаворитизм в общественной жизни.

Вопросы власти

Хотя вопросы о власти народа и о народной власти еще более закрыты, чем вопросы о народе, – это фундаментальные и сложные вопросы.

Власть над чем?

Первый вопрос о власти народа – вопрос об объекте власти (власть над чем)? Этот «объект», в свою очередь, можно разложить по двум осям: пространство (область) [area] и объем (величина) [extent]. Пространство может быть определено в терминах территории и/или в терминах функции. Объем можно разделить по горизонтали и вертикали на сферу (спектр) [range] и глубину [depth].

Законная территория народа X, то есть территориальная протяженность легитимной власти народа X, всегда условна, рационально произвольна. Установленные колониальные границы есть только на карикатурных изображениях глобального мира.

Территориально современное право развивалось по двум противоположным направлениям. С одной стороны, были прояснены и укреплены границы суверенных государств (всегда размытые в больших до-современных государствах), включены промежуточные области (районы) автономных подчиненных государств, кочевников или изгоев. Досовременная узаконенная сложность территориальных отношений была превращена в простую систему границ национальных государств. Таким образом, национальное государство или, правильнее, отдельное государство, стало гораздо более сильным, чем 100 или 80 лет назад. Граница между подданными и неподданными или, сегодня, гражданами и негражданами [non-subjects / non-citizens] теперь четко выражена.

Хотя развитие преступности действительно установило новые ограничения на территориальное пространство государств, недоступные [no-go] районы насилия находятся вне сферы любой власти народа.

С другой стороны, национальная территориальная суверенность государства всегда зависела от иерархии межгосударственных отношений и отношений между столицами. Когда МВФ и Мировой Банк заменяют собой колониальный консорциум, управлявший турецкими и китайскими иностранными кредитами, здесь проявляется стремление к интернациональной институционализации зависимости, а также к установлению международной нормативизации [normation]. В основном, такое стремление консолидировано в Европе с ее Судом ЕС и Советом Европейского суда по правам человека. Кроме того, можно назвать ряд конвенций ООН и не всегда эффективный международный мониторинг, также более позднее пример – вмешательство суда США в ситуации, когда национальный суд Гватемалы был не в состоянии справиться с террористами.

Не следует забывать, что это сложные вопросы. Большая ясность территориальной суверенности обеспечивает больше «пространства» для народного права. Но если по национальному признаку люди делятся на независимые группы произвольно, то вес международных организаций и судов добавляет внимание в глобальном или хотя бы региональном плане. При этом снова встает вопрос, насколько демократичными являются эти международные организации, особенно по сравнению с национальными демократическими институтами. Более того, существуют различные типы международных организаций. МВФ и Мировой Банк – это не то же самое, что Международный суд по правам человека или дискуссионная комиссия [disputes panel] Всемирной Торговой Организации.

Несмотря на то, что территория власти всегда была вопросом этническим или национальным, *функция* права была и остается вопросом классовым. Серьезные опасения

демократии были связаны с тем, что сделают простые люди с собственностью и привилегиями, если признать их политические права. Ответ оказался таким: на удивление, почти ничего.

Однако вместо того, чтобы радоваться, привилегированные группы предприняли ряд активных, достаточно успешных выступлений, преследовавших цель сузить спектр функций народной власти.

Функции государственной власти с течением времени менялись. Можно выделить три основных периода. Первый, в основном связанный с войной, господствовал во всех государствах до конца XIX века. Затем наибольшее внимание уделялось инфраструктуре – строительству портов, каналов, дорог, мостов, железных дорог, развитию телеграфа, почты, телефона. Примерно с 1970 года достижение благосостояния граждан стало доминирующей функцией государственной власти во всех странах, в том числе Соединенных Штатах, а после войны во Вьетнаме приоритет получили образование, здоровье и система социального обеспечения, социальная безопасность.

Эта долгосрочная тенденция развития государств в количественном отношении еще не закончилась. Но недавно был принят ряд очевидных мер с целью сокращения масштаба общественных функций. Наибольшее распространение получило исключение из сферы народной власти монетарной политики. Некоторые страны, от Эстонии до Аргентины, перестали заниматься монетарной политикой, полностью присоединяясь к немецкой марке и американскому доллару, соответственно. Другие, повторяя недавнюю европейскую «причуду», выводят свои Центральные банки из-под демократического влияния. Новые бюджетные методики исключают социальные цели из сферы свободного принятия решений в политике. Приняты новые пенсионные схемы, впервые разработанные в Чили и затем экспортированные, при активной поддержке Мирового Банка, через Латинскую Америку в Восточную Европу. Они превращают пенсии из социального права [entitlement] в сберегательные схемы, зависящие от развития финансовых рынков. Вся идеологическая программа «экономного государства» [“lean state”]⁴ в демократических политических условиях означает превращение демократии в «бедную» [“lean”] и беспомощную [thin].

И по территории, и по социальным функциям народная власть, всегда была противоречивой. Равновесия между индивидуальными и коллективными правами меньшинства, с одной стороны, и правами власти большинства, с другой, с логической и моральной точек зрения так же условно и произвольно, как и граница между государствами народа X и народа Y.

Насколько широко вообще может быть распространена власть?

Власть человека всегда ограничивалась непредсказуемыми явлениями природы, вспышками эпидемических и других неожиданных заболеваний и смертности, расстоянием, а также ненадежностью коммуникации. Пространство, освобождаемое двумя последними факторами, часто и легко захватывалось теми, кто находится вне сферы любой установленной власти, – грабителями, кочевниками, или просто местными жителями. Послание современности состояло в том, что будущее можно творить. Важным основанием для этого явилось распространение знания и контроля, что расширяло возможности власти человека, включая властные возможности государств.

Однако не нужно называть себя постмодернистом, чтобы быть уверенным в срыве и разочаровании в больших модернистских проектах. Очевидно, что современность вступает в противоречие с базовой предпосылкой демократии. Демократия, или, по крайней мере, идеальная демократия, предполагает, что под властью народа может находиться нечто значительное, что народное самоуправление имеет некоторое значение. Постмодернизм ставит вопрос: насколько широко вообще может быть распространена власть?

⁴ Возможны также переводы «бережливое государства», «скупого государства» и др.

Чтобы рассмотреть эту проблему со всей тщательностью, нужно задаться вопросом: можно ли полностью управлять территориями и социальными функциями? «Власть» в этом случае означает, что между намерениями, методами и результатом существует положительная и предсказуемая линия связи. Хаотическая непредсказуемость или бесконечность ограничи́ли бы власть, включая возможную демократическую власть народа.

Однако тщетность политических методов – это, наряду с риском и упрямством, старая уловка (Hirschman 1991), к которой необходимо относиться со скептицизмом и осторожностью. Должные границы возможной власти просто неизвестны. Но границы существуют, и демократам следует принимать их во внимание.

Важная характеристика возможностей демократической власти заключается в относительном размере предприятий, рынков и государств. На данный момент этот треугольник меняется прежде всего в направлении маркетизации, соответствующего роста рынков, а также роста влияния предприятий по сравнению с государством.

Степень маркетизации предприятия касается его зависимости от конкурентных рынков, определяемой объемом соответствующих товарных и финансовых рынков (рынков ценных бумаг) относительно объема продаж и средств (активов) данного (комплекса) предприятия(й). Применительно к государству, маркетизация может быть легко измерена через зависимость государственной экономики от иностранной торговли, но также, что более важно, через отношение объема государственных ресурсов к объему значимых рынков ценных бумаг и в зависимости от степени автономности рынка от государственного регулирования. Часть треугольника «государство – предприятие» изменяется пропорционально объему нужных финансовых и интеллектуальных ресурсов государства по отношению к комплексу ключевых предприятий.

Кроме мобильности, расширение и углубление маркетизации означает сосредоточение ресурсов, товарооборота, активов и прибыли в руках владельцев капитала. В этом отношении 1980-е годы были ключевым десятилетием. Например, оборот торговли иностранной валютой увеличился с 1.8 доли мирового объема продаж в 1979 году до величины, в 9 раз большей объема мирового производства в 1989 и в 10 раз большей в 1996. Слияние в 1997 году Корпорации швейцарских банков и Объединенного Банка Швейцарии создало частную организацию с активами в 920 миллиардов долларов, что превышает годовой объем производства седьмой страны, входящей в «Большую семерку», Канады – около 578 миллиардов в 1996 году, и немногим меньше, чем ВВП Соединенного Королевства – около 1140 миллиардов. Активы нового швейцарского банка более чем в 3 раза превышают ВВП Швейцарии.

В течение длительного периода треугольник «предприятия – рынки – государства» так и остался треугольником. Что касается отношений между предприятиями и государствами, то здесь наблюдалось долговременное усиление государства по показателям финансовых и административных ресурсов в сравнении с частными предприятиями, приобретшими движущую силу в XIX веке, которое выразилось напрямую в прекращении сбора налогов, гибели частных колониальных компаний и в устойчивой тенденции национализации инфраструктуры – транспорта и коммуникации. Экспансия государства благосостояния в 1960-х и 1970-х годах еще более усилила значение государства. С 1980-х годов эта тенденция была частично изменена из-за стремления к приватизации.

Роль рынков существенно возросла по сравнению и с государствами, и с предприятиями, за 40-50 лет до Первой мировой войны. Потом последовало то, что можно назвать «коротким веком государства», который был «коротким веком» и больших предприятий – «организованного капитализма» и ориентированного на рабочие места индустриального коммунизма – с 1914 по 1989-1991 годы, а также гибели восточноевропейского коммунизма, чьи позиции были подорваны по меньшей мере с 1970 года.

В тот год объем мировой торговли, составивший 10% от мирового объема производства, превысил объемы торговли в 1913 и 1929 году, примерно на 9%. Рост цен

ОПЕК (ОСЭН) на нефть повлек за собой рост торгового коэффициента до 15% в 1975 году. Он колебался до середины 1990-х годов, а затем вновь достиг 22% мирового объема производства.

С ростом объема рынков, возрастала и невозможность их прогнозирования. Основная причина состояла в вышеупомянутом резком увеличении нестабильных финансовых рынков. Две другие причины – значительное расширение в последние годы незаконных рынков наркотиков, а также возобновившаяся во многих странах тенденция к развитию «неформального» сектора внутреннего рынка экономики. В Бразилии в этот сектор включено около половины городского экономически активного населения, в Мексике – около 40%.

Масштаб демократической власти ограничивается не только рынками, но и привычной властью, а также широким распространением насилия. Авторитет привычной власти – правителей, землевладельцев, старейшин в течение XX века снижался, но он до сих пор ограничивает возможности народной власти в Африке (Mamdani 1996), во многих сельских областях Южной Азии, а также частично в Латинской Америке, особенно среди местного населения. Массовое, в большей или меньшей степени постоянное, насилие препятствует любой возможности установления народной власти в большинстве районов Африки, в Колумбии, Сальвадоре и в других странах.

Однако этот текст не стоит рассматривать как выражение позиции, близкой к глобалистской идее «конца национальных государств». Многие государства в последнее время достигли больших успехов в развитии Восточной и Южной Азии и Латинской Америки, в борьбе с инфляцией в Организации экономического сотрудничества и развития, а также в поддержке региональных межгосударственных организаций, таких как Европейский Союз, Ассоциация государств юго-восточной Азии (АСЕАН) [ASSEAN], Миссия ООН по референдуму в Западной Сахаре [MERCOSUR] и др.

Ресурсы власти

Народная власть – не волшебство. Она в большей степени зависит от организационных ресурсов, чем от лозунгов. Проблема в том, что власть народа зависит от ресурсов, поступающих из сферы, находящейся за пределами сферы деятельности обычных людей – знаний, способностей и честности организационного аппарата государства.

Основной парадокс заключается в том, что эффективность народной власти зависит от внешнеародных организационных ресурсов.

Множество современных попыток реализации народной власти потерпели крушение на рифах организационно-управленческой несостоятельности. Сложность постколониального формирования государственного аппарата из числа местных жителей обычно проистекала из недостаточного уровня компетентности, честности и эффективности. Например, эксперименты «африканского социализма» потерпели неудачу из-за недостатка соответствующих организационных ресурсов для социалистического управления. С другой стороны, современная тенденция обеспечения министерств финансов кадрами за счет экономистов, прошедших подготовку в США и Мировом Банке, которые могут быть формально компетентны и не склонны к коррупции в личном плане, подрывает народную власть из-за обладания такими специалистами знаниями, не доступными многим [arcane], и их восприимчивости к состоянию международного капитализма. Во многих странах автономность военного и полицейского аппарата накладывает ограничения на гражданские права и народную власть.

На организационном уровне общая современная проблема, касающаяся народной власти, состоит в возникшей из частных корпораций мощной постбюрократической, менеджеральной концепции государственной организации, включая формирование корпоративных менеджеров. Несмотря на компетентность и эффективность, такие концепции создаются в и для авторитарных организаций и не предусматривают необходимость отчитываться перед народом. Правительства третьего мира и бывшего

второго мира сталкиваются с вышестоящими международными организациями, такими как МВФ и Мировой Банк, которые не подотчетны перед народом. Демократия в смысле избирательной народной власти подрывается этими новыми организационными образованиями.

Формы народного основания власти

Многие сложные вопросы народной власти или демократии могут быть сведены вместе в порядке возрастания возможности народного основания системы.

Отправной точкой (часто меняющейся) является тогда народная поддержка [popular support] власти, которая не обязательно требует участия народа в политике. Эта ситуация типична для стабильных автократий, таких как империи Китая, Японии, Оттоманская империя или империя Романовых. Она также характерна для многих современных диктатур, даже самых жестоких, например, сталинской России или гитлеровской Германии.

Парадокс заключается в том, что в условиях демократии народ не обязательно поддерживает правительство и его политику. По меньшей мере два значительных политических поворота в недавней истории произошли из-за того, что взяло верх избирательное меньшинство. Первый пример – выборы в Южной Африке в 1948 году, выигранные националистами при меньшинстве голосов белых (не-белые не были частью народа) и открывшие эру явного апартеида. Другой пример – выборы в Англии в 1951 году, открывшие новую, долговременную эру тори, получившим меньшее количество голосов, чем партия лейбористов. В обоих случаях законность политического класса определяла именно избирательная система, а не относительное число голосов. Конечно, более частый случай – когда политик избирается благодаря одной программе, а затем в кабинете он реализует другую. Таким образом произошел неолиберальный поворот в Аргентине в период правления Карлоса Менема.

Народная законность [popular legitimacy] была частью политики в городских республиках средневековой Италии. Но центральным и противоречивым принципом высшей политики она стала только после Французской Революции, и была явно отвергнута наполеоновским Священным Союзом. Европейский национализм принял ее только в XIX веке. Всегда будучи частью американской интерпретации истории, принцип самоопределения был утвержден в программе Вилсона после Первой мировой войны.

Народное представительство [popular representation] во власти издавна являлось требованием Европы, которое перешло потом к американцам. Это был решающий момент в конфликте разделения власти между тринадцатью североамериканскими колониями и государством.

В течение XIX века, вплоть до Первой мировой войны, принцип народного представительства утверждался почти повсеместно: в древних империях Японии, Китая, Турции, России и в новых империях Англии и Франции.

Подотчетность народу [popular accountability], подотчетность правителей народу – это уже другая ситуация. Монархическая традиция ответственности только перед Богом была сильна до конца Первой мировой войны. Через некоторое время новые диктатуры потребовали той или иной формы народной законности. С конца Второй мировой войны «демократия» со своими институтами установления народной законности через выборы, народного представительства в парламенах и подотчетности народу путем замещения правителей, была единственным нормативным стандартом правления, на практике часто нарушаемым по тому или иному «особому» случаю.

Народное участие [popular participation] в правлении – более явное, более прямое требование. Оно было частью французской революционной традиции с 1792-1793 годов, возрождено во время Парижской Коммуны и отсюда перешло в марксистскую теорию рабочего движения. Это требование звучало в России в 1905 и 1917 годах среди городских масс на волне революционного движения советов рабочих и солдат и в течение нескольких

месяцев в 1918-1919 годах в Германии, в Вене и Будапеште. Впоследствии оно стало не более чем символической атмосферой «Советского» Союза.

В ходе движений радикально настроенной молодежи в 1968 году были выдвинуты требования активного участия народа в управлении государством. И хотя они не были приняты и институционализированы, во многих странах такое участие на какое-то время усилилось, стали масштабнее народные демонстрации, активизировались деятельность политических партий и организаций и т.д.

Проблема эффективности народного самоуправления [efficacy of popular self-rule] объединяет наши вопросы о народе и о власти. Какие возможности существуют у действующих демократических народных институтов для эффективного управления в соответствии с волей народа?

В ситуации менее стабильной мировой экономики в результате впечатляюще неэффективной народной власти, как в случае Лейбористского правительства в Англии в 1978-1979 годах или правительства Алфонсина в Аргентине и Алана Гарсии в Перу в 1980-х годах, появилось новое влиятельное политико-экономическое течение – постдемократический либерализм. Он возник как консервативный ответ на требования участия в 1968 году и концентрировался сначала на «перегрузке правительства» и «невозможности управлять» [“ingovernability”], но после социально-экономических ошибок многих центристских и «левых» правительств, совершённых во время мирового экономического кризиса конца 1970-х–начала 1980-х годов, консервативные беспокойства развились в программу активных действий.

Постдемократический либерализм

Избранные политики до сих пор являются ключевыми фигурами, но значение выборов в настоящее время, учитывая особенности социальной и макроэкономической политики, уменьшилось. Новая структура политических игроков, представляющих большинство, похожа скорее на постдемократическую, чем на недемократическую или авторитарную. Первая признает свободу выражения мнения, правовое государство и обязательность обеспечения законности путем альтернативных выборов. Но общественное мнение и народное участие представляют иррациональную опасность, которую как можно дольше не следует допускать с помощью институциональных заслонов [enclosures] и твердого контроля, или «руководства».

Постдемократический либерализм, естественно, связан с элитистской теорией демократии, предложенной Шумпетером (Schumpeter 1943/1950: ch. XXII), в которой демократия понимается как «конкуренция за превосходство», но в большей степени он связан с задачей удержать людей на расстоянии, в отличие от спокойной и циничной позиции Шумпетера 1940-х годов, показывающей идеалистов и людей, ориентированных на успех, такими, какими они действительно являются с точки зрения демократии.

Мы можем разложить новую структуру общественных акторов по четырем уровням: государства, правительства, партии и общественное управление.

В рамках государств произошел важный сдвиг от выборных акторов и институтов к не-выборным, особенно в отношении монетарной и экономической политики, к неподотчетным «независимым» центральным банкам или административным органам, таким как currency boards, и министры финансов, назначаемые не из сферы политики.

В рамках правительств возросло влияние Казначейства (Министерства финансов), а внутри Казначейства – принципов посткейнсианской неолиберальной экономики. Нигде не существует сколь либо значительной силы, противостоящей этому влиянию.

В рамках партий основной сдвиг во власти произошел от политиков – выходцев из народа и репрезентантов народа, в пользу ловких технократов, получивших в высшей степени неолиберальное образование, а также талантливых представителей СМИ.

В сфере коммунальных услуг наблюдаются две тенденции. С одной стороны, создается небольшой слой высокооплачиваемых топ-менеджеров, а, с другой, резко сокращается слой народного пролетариата, сталкивающегося с более сложной и стрессовой работой, нестабильностью занятости и часто меньшей заработной платой. Создание первой группы является ключевым для решения проблемы резкого сокращения и ухудшения положения основной массы государственных служащих, а также для управления приватизацией сферы коммунальных услуг.

Любая форма национального постдемократического либерализма поддерживается деятельностью финансовых рынков и, если необходимо, давлением со стороны МВФ.

Со снижением значения выборов – и превращением традиционных общественных протестов в слабые протестные движения, поддерживающие партии ксенофобов в таких странах, как Австрия, Бельгия и Франция, а также с сокрытием совместных соглашений и сделок правительствами и держателями капитала, кроме членов постдемократической либеральной структуры возник еще один существенный актор. Это массовые протесты, обычно поддерживаемые капиталовложениями из нескольких конкретных источников, которые подвергаются нападкам со стороны членов постдемократической структуры. В третьем мире проходят серии «восстаний против МВФ», начавшиеся в Африке и арабских странах и распространившиеся затем в 1997-1998 годах в Южную Азию. В Европе наиболее заметным примером стали демонстрации 1994 года в Италии против предложенного правительством Берлускони сокращения пенсий, а также массовые забастовки и демонстрации во Франции в декабре 1995 года, вызванные предложением правительства отменить право машинистов метрополитена уходить на пенсию в возрасте 50 лет. XX век закончился впечатляющим, на удивление успешным краткосрочным массовым протестом против встречи членов ВТО в декабре 1999 года.

Проблема в том, что хотя массовые протесты могут быть эффективным способом выражения воли народа, выступающего против непопулярных правительств и политических мер, они вряд ли могут служить инструментами эффективной народной власти.

Резюме

Демократию следует рассматривать как огромный спектр альтернатив не только в смысле предложения бесконечного множества возможных политических курсов или набора изменяющихся систем выборов и принятия решений, но и в смысле постановки фундаментальных вопросов о народе и альтернативах его власти. Серьезное их рассмотрение включает осознание не только многозначности понятий «народ» и «власть», но также того, что то, что является народным, не всегда является демократическим, и то, что считается демократическим, не всегда народное.

В обобщенном виде рассмотренные выше вопросы и проблемы можно представить в таблицах.

Таблица 1. Вопросы и проблемы «народа»

<i>Вопросы</i>	<i>Классические проблемы</i>	<i>Современные проблемы</i>
Кто?	Этничность	Миграция
	Гендер	Политика идентичности
	Раса [race]	
Более одного <народа>?	Мультиэтничность	Мультикультурализм
	Мультирелигиозность	Местные жители (народы)
		Региональные культуры
Каким образом (как)?	Образование	Гражданство
	Происхождение	Гражданская культура
		Социальные условия
Какие права?	Право действовать	Социальные права [entitlements]
	Право требовать	Культурные права
Основания прав?	Эмансипация	Границы прав человека
	Инструменты власти	

Таблица 2. Вопросы и проблемы «власти»

<i>Вопросы</i>	<i>Классические проблемы</i>	<i>Современные проблемы</i>
<Власть> над чем?	Суверенитет	Национальный vs. международный
	Функции	Социальные и денежные (финансовые) функции
Насколько широко может быть распространена власть?	Знание (компетентность)	Крупные, неорганизованные, незаконные рынки
	Контроль	Насилие
Ресурсы?	Государственная организация	Приватизация
Правила [rules]?	Конституция	Международные правила
	Классовый компромисс	Рыночная гибкость

Среди всех этих проблем три представляются наиболее острыми. Одна касается вопроса о наилучших формах мультинациональной [multi-popular] демократии, который относится к демократическому регламентированию проживания в рамках границ одного государства более чем одного народа, а также к формам межгосударственной, региональной (как в Европейском Сообществе) и глобальной демократии. Вторая касается вопроса «власть над чем?». Более точно, вопрос состоит в том, как и насколько решительно нужно выступать против текущих программ более экономной и бережливой демократии, сокращая характерные для демократической власти функции, то есть программу постдемократического либерализма. Третий вопрос наиболее сложный из всех: насколько широко вообще может быть распространена власть в условиях существования крупных, непостоянных, непредсказуемых рынков, новых форм чрезвычайно выгодной незаконной торговли наркотиками, стихийных бедных народных рынков [people's markets], эндемического насилия во многих областях? И даже еще более сложный вопрос: возможна ли при таких обстоятельствах эффективная народная власть?

Это время с трудом можно назвать временем триумфа демократии. Тем не менее, это время борьбы за права и время подчас мощных народных протестов. Смогут ли эти требования и протесты подготовить почву для новой волны демократизации мира, покажет будущее.

Гражданское общество и его ограничения

В последние годы холодной войны произошло восстановление старого, до-демократического понятия гражданского общества, сначала как интеллектуального оружия антикоммунистической оппозиции в Восточной и Центральной Европе, позже как дополняющее понятие к понятию демократии, особенно в англо-американских дискуссиях о демократии, но также, в более общем смысле, как понятие, обозначающее необходимое условие функционирования демократии или просто краткое обозначение сферы НКО, неологизм. (См. Cohen and Arato 1992; Diamond 1997; Gellner 1994; Habermas 1992; Hall 1995; Keane 1988.)

Как нормативный аргумент против авторитарных государственных режимов гражданское общество доказало, что является полезным инструментом, и в настоящее время используется в этом качестве, например, в Египте и Иране. Кроме того, оно может прояснить ряд принципов функционирования современных демократий. Однако для понимания проблем соотношения демократических идеалов и фактически существующих демократических реалий понятие гражданского общества является неподходящим и недостаточным.

Начнем с того с базовой структуры современного дискурса о гражданском обществе. Он обладает тремя фундаментальными характеристиками.

Гражданское общество – это нормативное понятие, понятие блага [goodness]. Во-вторых, это понятие, разделяющее государство и общество. В-третьих, гражданское общество – это политическое понятие (включая антикоммунистическую «анти-политику» Восточной Европы 1980-х годов), представляющее общество с точки зрения политики, государства и политической власти.

Гражданское общество как нормативное понятие

Нормативные понятия имеют в социальной теории долгую традицию. В современной политической теории можно выделить как минимум три основные функции нормативных понятий.

Первая функция – это нормативное закрытие [closure], запрещение, делегитимация определенных действий. Дискурс о гражданских правах выполняет в основном (хотя не только) эту функцию, делегитимируя, например, случайное насилие, пытки, дискриминацию.

Во-вторых, существуют понятия для нормативного открытия [opening], определяющие легитимное социальное пространство для понятий, априори неопределенных или определенных только в общих чертах и недостаточно четко. Традиционными призывами подобного рода были толерантность и свобода мысли и слова. К этой группе принадлежит понятие гражданского общества, несущее более тяжелый и претенциозный политический багаж, чем его предшественники.

Закрытие и открытие могут, конечно, быть рассмотрены как две стороны одной медали; одно и то же нормативное понятие может использоваться как для открытия некоторых дверей, так и для закрытия других. Суть заключается только в том, что нормативный дискурс может иметь разные смыслы и для современного дискурса о гражданском обществе характерно требование открытого социального пространства.

В-третьих, нормативные понятия могут указывать направление, в котором должны развиваться государство и общество, или стандарт, с помощью которого может быть оценено их состояние. Справедливость – классическое понятие такого рода.

Нормативные понятия играют важную роль в обсуждении проблем человеческого и социального. Однако всегда существует определенный риск нормативности, заменяющий при анализе надежду или морализаторство. Этот риск, в свою очередь, можно рассматривать как разновидность более общего явления – цены освещения. Понятие создается для освещения чего-то, как прожектор. Но направляя свет на что-то, прожектор бросает при этом тень на другое.

Понятие гражданского общества освещает:

Демократическую важность

добровольных объединений (ср. Putnam 1993; Cohen and Rogers 1995)

цивилизованности [civility], гражданского этикета, порядочности (Carter 1998; Margalit 1996)

процедур [procedure] и коммуникации (Habermas 1992)

Понятие гражданского общества скрывает:

Различия в ресурсах между гражданами / жителями

Конфликты интересов между гражданами / жителями

Культурные различия среди граждан / жителей

Различия в формах членства в сообществах и придаваемых этому значениях (ср. Rosenblum 1998)

Политические проблемы распределения имущества [substance]

Эмпирическую структуру современного общества [publics]

Дискурс о гражданском обществе скрывает как сложный и многослойный характер современных обществ, включая множественность значений, опытов и последствий множественности форм сообществ, который способен не только поддерживать демократию, но и разрушать ее, так и возможность спасения в авторитаризме – бегства от политики, и еще множество других вещей.

На сессии Папской академии социальных наук в апреле 1998 года профессор Глендон (Glendon 1999:368) сделал ряд достаточно интересных замечаний не столько о понятии гражданского общества как таковом, сколько о его международном использовании. Во-первых, «лобби и заинтересованные круги не являются “гражданским обществом”». Во-вторых, организации, «в значительной степени далекие от общественного внимания (наблюдения) и демократической ответственности», не могут считаться гражданским обществом. В-третьих, «“захват власти” определенными заинтересованными кругами [capture]» не означает, что появилось гражданское общество.

Здесь следует задаться вопросом: в каких современных демократических странах не существует «лобби и заинтересованных кругов»? Какой смысл в том, чтобы избавляться от последних так, как Арато [Arato], и Коен [Cohen], и Хабермас [Habermas] избавляются от экономики, определяя гражданское общество как общество без экономики? В любом случае подобное толкование гражданского общества априори делает невозможным любое исследование фактически существующих демократических обществ.

Во-вторых, гражданское общество – это понятие, «разводящее» государство и общество. Государство означает принуждение, обычно также иерархию или вертикальность; гражданское общество – добровольность, горизонтальность. Гражданское общество, как правило – благо, в то время как государство является, в лучшем случае, необходимостью. Общепринято тройственное разделение: государство (принуждение, система прав, форма государственного устройства, например, демократия), гражданское общество (ассоциации, дискуссия), частная сфера (семья, предпринимательство, этнические группы).

Такое разделение государства и общества создает реальное препятствие для исследования социальных следствий и результатов демократии и политической власти в целом. В этом отношении мы можем сопоставить текущий дискурс о гражданском обществе с двумя другими основными концептуализациями в современной социальной науке на

основании ключевых акторов, на которых делается акцент, типе действия и результате действия.

Три дискурса о государстве и обществе

	<i>Модель актора</i>	<i>Модель действия</i>	<i>Результат</i>
Модернизация	Государство	Политический мандат	Социальное изменение
Корпоратизм [corporatism]	Полная симметрия государства и общества	Уравновешивание интересов	Социально-экономическая политика
Гражданское общество	Общество	Реализация гражданства	Демократические процедуры

Наконец, современный, в отличие от гегельянского, дискурс о гражданском обществе представляет общество преимущественно с политической точки зрения. Общество рассматривается и оценивается в основном через свое отношение к государству, что означает игнорирование социальной структуры и культурного своеобразия обществ. Это заслуживающее внимания основное отличие от шведского варианта представляет государство с экономической точки зрения, как «государственный сектор».

Кроме того, именно из-за самозабвенной политизации общества дискурс о гражданском обществе не подходит для обсуждения результатов политических процессов.

За пределами гражданского общества

Идеализированные, чрезмерно политизированные, не поднимающие национальный вопрос концепции социального мира, встроенные в современное понятие гражданского общества, можно преодолеть, двигаясь далее в трех направлениях.

Социальное производство граждан

Вместо того, что ограничивать понятие гражданского общества определением с точки зрения экономики, частной сферы семьи и / или титульного [“primordial”] этноса как особой сферы, где развивается государственное гражданство, нам кажется более продуктивным задаться вопросом о том, какой тип граждан создает данное общество в данный период. На вопросы такого типа нельзя верно ответить, ссылаясь на количество добровольных объединений. Например, в Скандинавии и Соединенных Штатах существует очень большое количество добровольных объединений, и эти государства являются стабильными демократиями. Однако их правительства проводят очень разную политику, и характер гражданского вклада в политический процесс между ними также сильно различается.

Таким образом, нужно поставить следующие вопросы:

Распределение [allocation] экономических, социальных и культурных ресурсов среди граждан, доступный объем таких ресурсов и их распространение [distribution] между ними.

Предоставление ролевых моделей и ролевых образцов <поведения>.

Историческая структуризация [structuration] ожиданий и страхов по отношению к жизни и обществу.

Структуры возможности [opportunity].

Вышесказанного может хватить для научной программы широкомасштабного социального исследования, но это также можно рассмотреть в более сжатом виде, как то, о чем многие заинтересованные и информированные граждане хорошо осведомлены. С обоих углов зрения открывается перспектива, которую современная нормативистская дискуссия о гражданском обществе пытается скрыть или затуманить.

Публичная сфера как реальность

Юрген Хабермас (1962) провел блестящее эмпирическое историческое исследование неуловимого [elusive], но важного социального явления, *Öffentlichkeit*, которое обычно на английский язык переводится как «публичная сфера» [“public sphere”]. Однако в современной теоретической дискуссии, представленной в работе самого Хабермаса, нормативные идеалы публичной сферы вытеснили анализ того, каким образом на самом деле функционирует публичная сфера.

Если кто-то захочет подвергнуть понятие публичной сферы теоретически релевантному анализу, продуктивным может оказаться представление ее как «поля» в терминах Пьера Бурдьё (Bourdieu, 1992), то есть как поля силы и сражений, а не как интеллектуальную беседу в кафе. Это может повлечь за собой исследование топографии публичного ландшафта. То есть исследование каналов и «шлюзов» в публичной дискуссии; взаимосвязей различных «субполей» или сообществ [publics], например, организаций или СМИ; путей на вершину, к общественному лидерству или встречающихся на этом пути ловушек. Как накапливается «публичный (общественный) [public(icity)] капитал» и как он трансформируется в «политический капитал»?

Транс-культурные, надгосударственные нормативные порядки

Если что-нибудь из критики, высказанной выше в адрес современного дискурса о гражданском обществе, является верным, тогда не следует многого ожидать от недавних разговоров и надежд по поводу европейского или глобального гражданского общества. Повторим: установление такого общества будет безусловно хорошо с демократической точки зрения, но нормативный фокус, вероятно, затуманит видение основных проблем.

Чтобы разобраться в попытках установления и незрелом развитии надгосударственных и транс-культурных нормативных порядков, как глобальных, так и региональных, нам кажется более важным не упустить из виду нечто такое, что дискурс о гражданском обществе стремится не определять, – т. е. сложное положение и взаимодействия государственных и негосударственных акторов. В обозримом будущем именно такие союзы и такие взаимодействия будут определять характер глобального и регионального управления, где последнее не является целиком прерогативой ни государства, ни Европейского Союза. И проблема «демократического дефицита» в Европейском Союзе – это проблема не столько отсутствия интеграции национальных гражданских обществ, сколько внезапной изоляции Союза и состоящих в нем государств от общественного влияния, например, в новых ключевых сферах монетарной и военной политики (война в Косово и др.).

Рост и политическое признание обладающих ресурсами международных негосударственных организаций и их включение в механизм ЕС – конференции, выработку решений и соглашений – представляют собой крайне важные нововведения. Тем не менее, они не означают освобождения международного гражданского общества от национальных государств и их международных организаций. Образцом, скорее, служат некоторые НКО и государства, старающиеся объединиться с целью влияния на другие государства. Новая международная судебная власть, проявившая себя в наибольшей степени в Трибунале по военным преступлениям по делу бывшей Югославии и в деле Пиночета, является по существу международным делом. Глобальное спутниковое телевидение – это действительно новая публичная сфера, но ее отличие – как в значительной степени асимметричной коммуникации – от *агоры* или *салона* [salon] кажется достаточно очевидным, чтобы сомневаться в обозначении его как глобального гражданского общества в процессе становления.

Это именно новые модели межгосударственного взаимодействия, взаимодействия национального государства и НКО, а также национального государства и глобальных СМИ в суматохе ускоряющихся или изменяющихся глобальных процессов финансирования, торговли, миграции и культурных столкновений, которые нужно раскрыть, оценить и действовать в соответствии с ними.

Демократия, права человека и социальная справедливость

Демократия, кроме всего прочего, представляет собой процедуру, принцип суверенности (независимости), правило легитимности, метод принятия решений. Но процедуру в специфическом смысле, только в идеальном виде отражающую власть демоса, народа. Таким образом, для рассмотрения идеала и реальности демократии следует заглянуть за процедуры и способы гражданственности [civility], исследовать человеческие последствия демократии, другими словами – вопросы демократии и прав человека, демократии и социальной справедливости и несправедливости.

В этом контексте официальная история либеральных демократий XX века оказывается ужасной. Попробуем проанализировать ее, различая демократии по тому, как они относятся к уничтожению, унижению и угнетению других, а также к тому, как они жертвуют в человеческом и социальном плане своими жителями.

С точки зрения прямого физического уничтожения гражданского населения современные либеральные демократии, особенно британская и американская, по численности убитых значительно превосходят любой режим, существовавший до XX века. По количеству убитых бомбардировки немецких и японских городов в последние годы Второй мировой войны сопоставимы со сталинским террором в 1937-1938 годы. Во время первых было убито около 900 тысяч людей (Parkin 1977:88, 159), во время последнего около 700 тысяч были казнены (Getty 1993). Нужно добавить, что люди, проводившие бомбардировки, – до сих пор – национальные герои, тогда как главных сталинских палачей казнили и большинство их жертв реабилитировали. Конечно, масштабы этого были не такими, как геноцид в нацистской Германии, но такая оценка несостоятельна. Можно возразить, что между внешним врагом, т.е. народом станы, с которой ведется война, и внутренними врагами в данном государстве – большое различие. Но вся суть концепции прав человека в том, что здесь такого различия не существует. Убийство безоружного человека (гражданского лица) является нарушением прав человека, когда бы и где бы это ни происходило.

После Второй мировой войны готовность либеральных демократий причинять боль, включая убийство, безоружным гражданам не исчезла. Живой пример – продолжающееся десятилетие разрушение иракского общества блокадой со стороны Соединенных Штатов и Великобритании при поддержке Западной Европы и многих других либеральных демократий. Никто не знает, к скольким людским жертвам это привело, но оценки ЕС достигают сотен тысяч. Война в Косово началась с нескольких свидетельств о давлении на людей (впрочем, этими свидетельствами дело скоро и ограничилось). В итоге война была выиграна путем уничтожения гражданской инфраструктуры Сербии: фабрик, мостов, гидроэлектростанций, без всякого военного вмешательства. Сейчас к этому добавилась экономическая блокада. Международная амнистия (но не Трибунал по военным преступлениям) имела смелость и твердость признать эти либеральные насилия нарушениями элементарных прав человека (в отчете 6 июня 2000 года).

Полностью этноцентрическая концепция свободы и демократии, свойственная либеральным демократиям, проявила себя в ходе Второй мировой войны, в которой, по общему мнению, люди сражались за свободу, демократию и права человека и одержали победу. Но если с побежденными обращались великодушно, то французы и голландцы вновь агрессивно заявили о своем праве управлять другими народами и получать доход с их территорий. Великобритания не сражалась за богатства Индии, но она поступала так во всех

других случаях – от Малакки до Африки. В США был вновь восстановлен расизм со стороны белых, несмотря на восстание «Диксикратов» [“Dixiecrat”] среди демократов.

За последнюю треть XX века либеральные демократии претерпели изменения. Расизм, сохранившийся в Северной Америке со времени колоний Новой Англии, был запрещен более чем через триста лет. Вместе с тем идея найма иностранных работников, лишенных политических и социальных прав, гайстарбайтеров для выполнения работы, которую не хотят выполнять жители страны, была предложена в 1960-х годах либеральными демократиями Западной Европы (Австрия, Западная Германия, Швейцария).

Если англо-американские демократии – независимо от правящей партии – до сих пор готовы продолжать свои войны до последнего иракца и последнего серба, так же, как в свое время они были готовы продолжать войну до последнего немца и последнего японца, готовность либеральных демократий жертвовать своим собственным населением после завершения холодной войны кардинально изменилась. В последней она была частью политической игры, использованной в качестве орудия угрозы и решимости включиться в полномасштабную ядерную войну. Но в войнах в Персидском заливе и в Косово основным возложенным на самих себя давлением на либеральные демократии были не собственные потери. Негативное отношение к набору граждан в профессиональную армию можно рассматривать как еще один сигнал того, что либеральные демократии сейчас меньше подготовлены к человеческим жертвам, чем раньше. В этой связи Первая мировая война была апофеозом либерального человеческого кровопролития в Вердене, на Сомме, на Галлипольском полуострове и других «кладбищах».

Всегда существовало достаточно значительное расстояние между либеральными *salon* или *café*, с одной стороны, и обычными людьми, с другой. В действительности, «цивилизованность» [“civility”] или рафинированность исключали или часто предназначались для исключения обычных людей.

Либеральное гражданское общество редко интересовалось земельной реформой, профсоюзным движением и социальными правами. Находясь у власти, либеральные демократии допускали экономическое перераспределение в значительно меньших масштабах и гораздо реже, чем того боялись либералы и консерваторы XIX века и на что надеялись социалисты и радикалы XIX века. С исторической точки зрения, мобилизация на время войны была более эффективной, чем демократия в перераспределении доходов и богатства. В качестве долгосрочной исторической тенденции XX века выступало внутригосударственное уравнивание, главным образом за счет того, что наиболее богатая десятая часть населения переходила в «средние классы». Те, кто находился внизу шкалы, почти ничего не выиграли.

Однако даже эта непостоянная и ограниченная тенденция за последние два десятилетия в основном прекратилась, а в ряде случаев превратилась в противоположную. Неравенство по уровню общего дохода снова увеличилось, там же, где возникала возможность получения образования представителям различных социальных слоев, оно исчезло. В национальных государствах начался длительный процесс усиления экономического неравенства.

В течение столетия личные и культурные права индивидов в общем и целом расширились, но либеральная демократия как таковая не была в авангарде. Например, коммунистический Советский Союз опережал Южную Европу, от Бельгии до Италии, в отношении прав женщин и Западную Европу в отношении национальных культурных прав. Женская форма (в школе) до сих пор является объектом государственной политики во Франции. С другой стороны, Соединенные Штаты всегда были пионерами в установлении прав женщин, в том числе в последней трети XX века, иногда – вместе со скандинавскими странами. И хотя эти права, защищающие от дискриминации и притеснений, далеко не всегда были эффективными, они представляют собой, правда, запоздалый, но важный шаг к правам человека.

Социальные достижения либеральной демократии, кажется, ограничиваются одним – предотвращением массового голода, который испытали как сталинская Украина, британская колония Бенгалия или Китай во время маоистского «Большого скачка» (Sen 1999). Это важно, по сравнению с идеалами либерализма и классической демократии этого явно не достаточно.

Почему либеральные демократии постоянно воспроизводят жестокость, дискриминацию, унижение и бедность? Помимо исторического объяснения, заключающегося в том, что все либеральные демократии возникли из авторитарных, недемократических, патриархальных обществ с системой привилегий и эксплуатацией, а не на основе социального договора, есть еще две основные причины.

Первая заключается в том, что либеральные демократии, как и большинство политических и этнических концепций, обладают значительной способностью демонизировать Другого, против которого разрешены любые действия. Примечательно, что 50 лет дискурса о правах человека, распространяемого либеральными демократиями, фактически не оказали какого бы то ни было влияния на военное поведение либеральных демократий, независимо от того, большие это были войны или меньшего масштаба, внешние или внутренние, объявленные или необъявленные.

В последние десятилетия XX века либеральные демократии нашли новое оружие, причиняющее страдания множеству людей – экономическую блокаду нежелательных политических режимов. Ее впервые опробовали, с ограниченным успехом, но с большим упорством, против кубинцев, потом с большой энергией и карательной силой в течение 10 лет использовали против иракцев, сейчас – против сербов.

Постоянная готовность обладающих превосходством не вести себя в соответствие с установленной нормой заставлять большое число людей страдать приводит к морализаторскому секуляризованному либерализму, вероятно, монотеистического, в нашем случае христианского, происхождения. Другие не просто грубые и невежественные варвары, они нарушают закон единой истинной веры.

В противоположность авторитарным диктатурам, которые часто демонизируют внутреннего Другого, либеральные демократии обычно видят своих врагов за пределами границ своего государства, хотя в нем может быть много вражеских агентов или подозрительных людей.

Внутри, с другой стороны (имеется в виду все множество [оеситмене] не-врагов [non-enemies]) либеральные демократии демонстрируют настойчивую тенденцию к маргинализации других. Маргинализация некоторых людей является неотъемлемой, постоянной возможностью либерального индивидуализма. Капиталистическая экономика всех реально существующих либеральных демократий делает эту возможность постоянной тенденцией. Опыт XX века показывает, что демократия способна противодействовать этой тенденции только до некоторой степени, в течение некоторых периодов и при определенных условиях. Наилучшие условия были предоставлены мобилизацией в военное время – мощные инструменты полной занятости, экономического уравнивания и гражданского участия. Наиболее яркие примеры – Англия и Соединенные Штаты в году, Второй мировой войны. Но послевоенный бум, когда были восстановлены региональные дружественные отношения, и активное мирное десятилетие с конца 60-х и до конца 70-х годов также были значительными периодами включения [inclusion] в большинстве либеральных демократий.

Современные тенденции носят менее позитивный характер. Международная картина разнородна. С одной стороны, наблюдается определенный прогресс в дискурсе о правах человека, возможно, даже на практике, через механизм действия ООН. Дело Пиночета и Трибунал по военным преступлениям в Югославии являются, по меньшей мере, сигналами <возникновения> риска откровенного нарушения прав человека, хотя Трибунал страдает от того, что является частью крайне неопределенных действий восточно-американского и западноевропейского союза по отношению к бывшей Югославии. С другой стороны, продолжается экономическая поляризация мира.

Внутри (своих) стран, большинство либеральных демократий в конце XX века пришли к большому неравенству, социоэкономическому исключению [exclusion] и насилию внутри страны. Как было показано выше, есть одно важное – хотя не полное – исключение: положение женщин. В Западной Европе и Северной Америке, как и в некоторых частях третьего мира, хотя с другой скоростью и на другом уровне, женщины в последнее время получили значительные выгоды: в сфере высшего образования, политики и общих социальных прав. Во всем остальном общая тенденция состоит в усилении экономического неравенства, большем исключении из сферы занятости, увеличении социальных различий в жизненных ожиданиях и ожиданиях относительно здоровья, увеличении числа насильственных преступлений. В том месте и в то время, когда возрастает уровень бедности и экономического исключения, наиболее сильно страдают женщины и дети. Это следствие, правда, в разной степени, развития пост-демократического либерализма на Западе, программ структурного регулирования третьего мира, финансового кризиса в одном успешном незападном экономическом регионе (Восточной Азии, кроме Китая), а также восточно-европейского пост-коммунизма.

Хотя сейчас в мире существует значительно меньше диктатур, чем, скажем, 20 лет назад, гораздо сложнее утверждать, что в нищете стало жить меньше людей. Если это на самом деле так, то в основном благодаря не демократизации, а экономическому развитию Восточной и Южной Азии.

Действительно, последние в XX веке социальные отчеты международных организаций выглядят достаточно трагически. В отчете ООН «Доклад о человеческом развитии в Центральной и Восточной Европе и СНГ в 1999 г.» говорится: «в бывшем Советском Союзе разрастается человеческий кризис огромных масштабов» (Цитата из: World Bank/William Davidson Institute publication Transition, August 1999, p.19). Во Всемирном экономическом обзоре Мирового Банка за декабрь 1999 г. заключается: «негативные социальные последствия от восточно-азиатского кризиса и кризисов в России и Бразилии были огромны. Увеличение бедности населения было значительным. Кроме того, результатом кризиса стало... резкое снижение уровня жизни представителей среднего класса» (р. 47). В докладе ЮНИСЕФ «Положение детей в мире в 2000 году» в «резюме руководства» авторы восклицают: «Несмотря на прогресс, достигнутый в решении многих задач, поставленных на мировом саммите по проблемам детей в 1990 году, это было десятилетие необъявленной войны против женщин, молодежи и детей, выразившейся в том, что бедность, конфликты, хроническая социальная нестабильность и такие заболевания, как СПИД, угрожают правам человека и блокируют их развитие».

Перед лицом этой суровой реальности, которая, безусловно, показывает отсутствие «прибыли от демократии», я не думаю, что нам сильно помогают теории справедливости и гражданского общества, какими бы благородными и оригинальными они ни были, или любые подтверждения основных ценностей, хотя бы и человеческих. Что дальше?

На основании рассуждений можно выделить два наиболее предпочтительных пути. Оба имманентно содержат критику общепринятого дискурса – в настоящее время нет течения, альтернативного гуманистическому направлению. Первый начинается с дискурса о правах человека, повсеместно признаваемых и повсеместно нарушаемых. Если рассматривать права человека серьезно, то права человека, связанные с окружающей средой, так же, как и права каждого индивида на свободу и развитие в течение жизни на основании своих возможностей, будут иметь далеко идущие социальные последствия. В нашем мире ограничений, они, по меньшей мере, дают нам линейку, с помощью которой <мы можем> измерять доминирующие ценности власти на местах.

Во-вторых, наблюдаемое сейчас самовосхваление демократии кажется идеальным поводом, чтобы рассмотреть ее серьезно, т. е. критически. Как было показано выше, это предполагает «вторжение» в случайные границы *демоса*, вопросы и даже предварительные ответы о социальном производстве [social production] демократических граждан, об институциональных значениях «самоуправления» или «народной власти».

В сущности, основной способ изменить несправедливый мир – это наделить властью ее не имеющих, находящихся в непривилегированном положении, тех, кто обладает правом определять социальную справедливость. XX век видел подъем и спад рабочего движения, когда непривилегированные слои наделялись значительной властью. Были и другие важные народные движения. Европейский и американский национализм XIX века распространился по всему миру, особенно колонизованному. Женское движение выросло в мощную силу, даже не будучи строго организованным. Однако XX век рассматривался, в основном, через призму рабочего движения, которое являло собой единственный пример значительной поддержки женского движения со стороны мужчин; единственный важный пример поддержки антиколониального движения со стороны жителей государства-колонизатора; служило моделью для своего христианско-демократического последователя и конкурента и моделью для своих фашистских врагов. Его потенциальные угрозы у большей части буржуазных социальных реформаторов стояли далеко не на первом месте. Рабочее движение породило две главные революции этого века – напрямую в России и косвенно, через подготовку революционных кадров, в Китае, а также масштабные социальные реформы через скандинавскую социальную демократию. Устойчивая сила движения обеспечила его продолжительный успех, в то время как его слабые места сделали возможным диктаторское развитие революций.

На пороге XXI века силы прав человека и последовательной демократии [consistent democracy] – как сказали бы сегодня, вместо более самоуверенного «освобождение человека», чем занимался Маркс, – нельзя обнаружить в одном или вокруг одного главного движения. Тем не менее, и социолог, и озабоченный гражданин во мне согласятся, что прогресс в решении вопроса прав человека и реальности демократии будет определяться активностью социальных движений тех <граждан>, кого напрямую затрагивает дефицит прав человека и демократии, их требованиям того, что они считают социальной справедливостью.

Перевод с английского Екатерины Горбуновой

Литература

- Batstone, D., and Mendieta, E.* (eds.), *The Good Citizen*, New York and London, Routledge
- Bourdieu, P.* 1992 *Réponses*, Paris, Seuil
- Carter, S.* 1998 *Civility*, New York, HarperPerennial
- Cohen, Jean, and Arato, A.* 1992 *Civil Society and Political Theory*, Cambridge MA, Harvard University Press
- Cohen, Joshua, and Rogers J.* 1995 *Associations and Democracy*, London, Verso
- Diamond, L.* 1997 'Civil Society and the Development of Democracy', Madrid, Instituto Juan March Working Paper 1997/101
- Gellner, E.* *Conditions of Liberty*, London, Hamish Hamilton
- Getty, J.A.* et al, 1993 'Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence', *American Historical Review* 58:1017-1049
- Glendon, M.A.* 1999 *Intervention in Democracy Some Acute Questions*, Vatican City 1999, p. 368
- Habermas, J.* 1962 *Strukturwandel der Öffentlichkeit*, Neuwied, Hermann Luchterhand
- Habermas, J.* 1992 *Faktizität und Geltung*, Frankfurt, Suhrkamp
- Hall, J.A.* (ed.), 1995 *Civil Society*, Cambridge, Polity Press
- Hirschman, A.* 1991 *The Rhetoric of Reaction : Perversity, Futility, Jeopardy*, Cambridge MA, Harvard University Press
- Keane, J.* 1988 (ed.) *Civil Society and the State: New Emergent European Perspectives*, London, Verso
- Mamdani, M.* 1996. *Citizen and subject: Africa and the legacy of late colonialism.*

- Princeton N.J.*: Princeton University Press.
- Margalit, A.* 1996 *The Decent Society* Cambridge MA, Harvard University Press
- Parkin, R.* 1977 *Encyclopedia of Modern War*, Abingdon, Parnell Book Service
- Putam et al.* 1993 *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton, Princeton University Press
- Rosenblum, N.* 1998 *Membership and Morals*. Princeton, Princeton University Press
- Schumpeter, J.* 1943/1950 *Capitalism Socialism and Democracy*, London, George Allen & Unwin, 3rd ed. 1950 (1st ed. 1943)
- Sen, A.* 1999 *Development as Freedom*, Oxford, Oxford University Press
- Shapiro, I.* 1999 *Democratic Justice* New Haven and London, Yale University Press
- Therborn, G.* 1992. "The Right to Vote and the Four World Routes to/through Modernity". Torstendahl, R. (ed.), *State Theory and State History*, London: Sage, 62-92.
- Transition, August 1999, published by The World Bank/The William Davidson Institute
- Unicef 1999, *The State of the World's Children 2000*, Online ed. December
- World Bank 1999, *Global Economic Prospects*, Online ed., December